

Ринат

отрывки из дневника воспоминаний

Автор готов подписаться под каждым словом всех этих ублюдков, кретинов, мошенников и карьеристов.

Автор не боится судебного иска, тюрьмы, ножа и удавки, людской благодарности и адаво пекла, потому что наша прекрасная жизнь и есть – адаво пекло.

Автор ни черта не боится.

Автору наплевать.

Дина Рубина

1

Вот представьте картинку. Жил себе человек, радовался каждой малости в жизни, стихи писал. И было ему светло и солнечно от мысли, что у него чудесные родители, замечательные родственники, отличные друзья... Даже в техникум на учёбу ходил, как на праздник. И хотя в обработке металлов резаньем смыслил не больше, чем свинья в апельсинах, учился неплохо. Просто так, из уважения к преподавателям, которые, в большинстве своём, были люди классные и достойные. И не было в его жизни врагов и глобальных потрясений. Им просто неоткуда было взяться. У тех, чьё сердце настезь открыто всем ветрам, – какие враги?

И кто знает, как в дальнейшем сложилась бы судьба нашего героя, не преподай ему жизнь уроков мужества и патриотизма...

2

И то, и другое впервые явилось в лице сержанта Юры Лукошина, который произнёс пламенную речь о красоте и величии нашей необъятной Родины и её доблестных Вооружённых Сил, ухитряясь при этом свести количество нормативно принятых русских слов до минимума.

Сержант так зажёгся от собственной пламенной речи, что решил устроить нам строевой смотр тут же. И, представьте, оказалось, что среди

солдат-новобранцев нашёлся-таки один-единственный шлимáзл¹, который не только не умеет маршировать, но даже понятия не имеет, что значит идти в ногу. Из скромности я не стану называть имени этого шлимáзла, но, думаю, ваша интуиция вас не обманет...

По данному поводу сержант проревел длинную тираду, в которой «паршивый жидяра», «вонючий недоносок» и «мама пожалела три рубля на аборт» были ещё самыми ласковыми и терпимыми эпитетами по сравнению со всем остальным...

Я бегал, отжимался, таскал по сумасшедшей жаре вёдра с песком. А мои земляки-однопризывники в это время лежали в тени и чувствовали себя, я думаю, если не на курорте, то на цирковом представлении как минимум.

Но потом сержант сменил тактику и заставил проделать то же, что и я, весь взвод. А ночью интернационально настроенные однопризывники встретили меня в каптёрке... Им очень нравилось слово «жид» с разными качественными прилагательными – вонючий, пархатый и т.д.

Сержант вошёл, когда всё уже было закончено, и отдал приказ до подъёма привести в порядок лицо и обмундирование (я, конечно, перевозю его слова на русский язык).

А утром можно было наблюдать следующую картину: новобранцы, вскочив с коек и кое-как напялив на себя обмундирование, должны были за короткое время заправить койки себе и старослужащим. И надо было видеть эти лица! Столько в них было желания угодить любимому сержанту и не менее любимым «дедам»!.. И только один заправил лишь свою койку и остался стоять возле неё. Паршивый жидяра. Вонючий недоносок. Мама которого в своё время пожалела три рубля на аборт.

...Это было чем-то вообще доселе неслышанным, а потому не могло пройти безнаказанно.

...Так, на второй день службы, я впервые очутился в санчасти.

На этот раз, по приказу сержанта, следы на лице не оставляли. А поскольку я всё время был в одежде, после двух дней моей полной неподвижности высшее начальство (офицеры) резонно решило, что я симулянт. И ещё несколько дней я провёл в карцере.

¹ шлимáзл (*идиш*) - недотёпа

И всё-таки, служба в учебном комбинате была цветочками. Я был там не один. Нашлись ещё ребята, которые не хотели и не могли быть как все. В принципе, там и издевались как-то, ну, не изощрённо, что ли?.. Всё началось позже - в части, куда я попал спустя четыре месяца. Но до этого был ещё Юра...

3

Я знаю, это очень плохая черта – приручаться. Я только о себе говорю. Ну почему, в самом деле, человек должен нести за меня ответственность? Только потому, что я к нему прикипел и без него мне сложнее?.. Я теперь считаю, что знаменитая фраза из «Маленького принца» - «Мы в ответе за тех, кого приручили» - для меня должна действовать только односторонне. То есть несу ответственность я – за того, кого приручил. Ну, а если случилось наоборот, и приручился я, значит, сам дурак. Сам приручился – сам и выпутывайся. Нечего вину за это на других сваливать. Это я теперь такой умный, после случая с Юрой...

Юра – здоровенный амбал, киевлянин, один из тех, кто не был «как все». Сначала нас было четверо – ещё Саня и Лёша, но тех быстро сбагрили по гарнизонам. От меня и рады были бы избавиться, да не могли: для любой части нужно было пройти медосмотр, а я после санчастей и госпиталя (история повторилась), вид имел весьма нетоварный.

Учитывая Юрины физические кондиции, его решили ошетинить и натравить на новичков, то есть сделать сержантом. Надо сказать, психологи они были неплохие. По поводу меня, например, у них таких мыслей точно не возникало.

Юра поначалу просто пух от голода – такой здоровенный, ему питаться положено вдвое больше нашего (а питались мы, мягко скажем, весьма и весьма скудно!) Я ему таскал недоеденный офицерами и поварами хлеб, лазил в соседнюю часть к повару-земляку – поживиться чем-нибудь. Он – стоял за меня горой и орал, что если кто-нибудь меня хоть пальцем тронет, он его прикончит.

Потом Юру приблизили к сержантам и допустили к сержантскому пайку. Да, они там действительно были неплохими психологами, потому что назначили Юру командиром бригады, а меня - бригадиром. Это значит,

что всю работу Юра должен требовать с меня лично, а с бригадой мне разбираться самому.

Юра входил в роль не по дням, а по часам. «Чтобы через час было всё сделано. И не дай бог минутой позже!» - заявил он мне уже на второй день после вступления в должность. Я не выдержал и спросил: «А если нет, что будет?» Он подошёл ко мне вплотную. Я демонстративно сунул руки в карманы, желая ему показать: ни драться с тобой, ни защищаться не собираюсь. Я даже, кажется, глупо улыбался. Ну что сказать? У него кулак был размером с футбольный мяч. И этим кулаком он заехал мне по физиономии, потом ещё.

...Той ночью в казарме я не от боли плакал. Точнее, не от физической. Я переставал понимать происходящее. Я не понимал, как у человека, всего только неделю назад называвшего тебя своим другом, с которым ты делил последний кусок хлеба, как у него могла подняться рука на друга?? А главное, я не понимал – *за что???*

Как говорится, незнание законов не избавляет от ответственности. Непонимание волчьих законов (да нет, каких там волчьих! – волки, насколько мне известно, друг друга не грызут) не избавляло ни от чего. Скорее, наоборот, всё только усугублялось.

4

В конце сентября я оказался в той самой части, где познакомился с Ринатом. Две недели мы не общались, хотя койки стояли рядом и оба спали на верхних ярусах. Да мало ли кто спит по соседству с тобой в огромной холодной казарме?

Меня в очередной раз подставили. А, может, это действительно был несчастный случай? Не знаю. Попросили, по-доброму, по-человечески (что вообще случалось крайне редко), подлезть под «Москвич» и затянуть ключом гайку – руки у меня длинные и сильные. Легковушка стояла без колёс, на домкратах и я влез под неё без проблем. Перевернулся на спину, попытался ключом обхватить гайку... И в это время машина начала оседать на меня, всем весом. Ни с чем несравнимое ощущение наваливающегося чудовища, полное бессилие... При моей-то клаустрофобии!.. И – ни души вокруг...

Ринат проходил мимо. Вот он, Его Величество Случай! До сих пор не могу понять, каким образом он ухитрился приподнять край этой машины. Я его даже не спрашивал. Вылез оттуда, придавленный и приплюснутый (в прямом и переносном смысле слова). И остаток дня провёл в канализации – там трубы были тёплые. А он носил мне хлеб и чем-то натирал спину.

В санчасть ко мне он забежал каждую свободную минутку – ещё счастье, что фельдшер оказался его земляком.

Потом, когда меня оттуда выписали, мы работали в разных местах и виделись только ночью. Еле-еле доползали до кроватей, на отбой. Самое тяжёлое было в ближайšie полчаса не уснуть. Через эти полчаса вставали и под видом идущих в туалет (будка была на улице) шли в знакомую канализацию и часами сидели там, даже не думая о сне. Какой сон, когда так много нужно друг другу рассказать!.. Позже Судьба смилостивилась над нами, и нас определили на работу в один цех.

В жизни не бывает ничего случайного. Благодаря ему я выжил, научился драться и вообще, сумел стать тем, кем стал.

Наш канализационный люк был нашим убежищем, местом, где мы отогревались: там, как я уже писал, были тёплые трубы, а ещё наши задушевные разговоры дарили уникальную возможность – улыбаться, даже в самых крайних и безысходных ситуациях.

Ринат рассуждал вслух:

- Значит, так: первый день – разборки в части и депеша-молния в Москву. Второй день уходит на организацию следственной группы. Третий день – они вылетают. Четвёртый день – разбирательство на месте. День пятый – судебный процесс... Знаешь, Вовчик, если разобраться, нас с тобой на пятый день службы должны были отдать под трибунал. Тебя - за твою непокорность и вечное упрямство, меня – за мою агрессию. У нас с тобой есть то, чего в войсках быть не должно – стремление и любовь к свободе.

Ринат был верующим мусульманином, и тогда мне было странно это видеть. На самом же деле, у него была своя, особая религия.

- Слушай, - говорил он. – Какая разница, Аллах, Будда или кто-то ещё? У меня – свой Б-г, тот, который живёт во мне. Он красивый, добрый и сильный. А ещё – Он мой Друг. Моя молитва – не молитва; это просто слова к Б-гу, каждый раз другие, но очень мои. Ты, брат, можешь мне

сейчас не верить. Но у нас с тобой Б-г один. Дай мне время. Я тебя с ним познакомлю.

В это даже трудно поверить. Была тихая, почти беззвёздная ночь, облака проплывали луну. Мы стояли, обнявшись, и он рассказывал своему - нет, нашему! Б-гу обо мне. Это был единственный раз, когда я видел, как он плачет. Что в это время чувствовал я? Наверное, своё причащение к тайне, не больше. Но было очень хорошо, очень тепло и уютно. Почти как дома. Это чувство внутренней успокоенности после стольких месяцев жизни в сплошном стрессе запомнилось на всю жизнь... И ещё – передышка, как предчувствие чего-то неминуемого...

- У меня есть Алёнка, есть ты, - говорил Ринат. – И я очень счастливый человек, самый счастливый! Запомни: у нас с тобой счастье лёгким быть не может. Твоя любовь на тебя нахлынет и околдует, сдавит болью твоё сердце так, что ты не сможешь дышать. Она заполнит собой весь мир, и тебе станет тесно и трудно. Тебе будет очень-очень больно. И вот, когда ты будешь готов отдать ей всё, чем раньше в жизни дорожил, ты пойдёшь против звёзд. Когда ты ей отдашь себя без остатка, у тебя появится шанс на счастье. Ты слышишь: шанс! Но и это очень много...

Я спросил:

- Ринат, как ты можешь это знать?

Он улыбнулся:

- У меня есть Алёнка. У тебя будет, как у меня. Может, это случится через год. А может, гораздо позже. Ты увидишь.

Многое из того, что он мне говорил, состояло из обрывков фраз, недомолвок, иносказаний. Так мне казалось тогда. Теперь уже так не кажется.

- Слушай, Вовчик, какое это счастье, что ты не такой клыкастый и зубастый, как все эти... - он кивал в сторону казарм. – Иначе мы никогда бы не стали братьями. А с другой стороны – как жить, когда любишь жизнь, а тебя постоянно пытаются подмять под себя. Ты должен быть злым. Хоть иногда, понимаешь? Не смей стоять, когда тебя истязают. Тогда у кого-то из нас двоих появится надежда выжить.

Как мне тогда резанули слух эти последние слова! Но – странное дело! – с ним не хотелось спорить. Его хотелось – слушать.

5

* * * * *

...За окнами вновь забрезжил рассвет,
Вынесен приговор.
Статья 110-я¹. Восемь лет.
И только дождевики в размытом стекле
Блестят, как немой укор.

И только у входа старик-отец
Со шрамом наискосок.
Бордовой дугой очертился рубец,
Пролётший через висок.

А зал опустел. Растворился, исчез,
Как будто недавнее - сон.
Не верится даже, что не было здесь
Свободных проходов, свободных мест...
Ну что же... вопрос решён.

Всё ясно. Предельно. Процесс прошёл...
Состав «преступленья» раскрыт.
И чёткой допиской гласит протокол:
«Обжалованью не подлежит».

...Один, с синяками бессонных ночей
Старик у центрального входа.
К нему со стаканом подходит старлей²:
-Вот, батя, водичка... возьми, попей...
-П-пшёл в-вон, офицерская м-морда!

¹ Статья 110 (?) – превышение меры самообороны

² Старлей (сокр.) – старший лейтенант

* * *

А всё начиналось совсем как всегда.
Ничто не сулило ЧП³.
Направили двух «молодых» солдат
Дежурить на КПП⁴.

На улице - слякоть. На улице - грязь.
На улице - снег с дождём.
А в тёплой коморке так хочется спать,
Чтоб снился далёкий дом!..
Солдат через месяц - ещё не солдат.
Его так тянет домой!
- А ну-ка, спой что-нибудь мне, Ринат!
Люблю слушать голос твой!..

И песня прогнала усталость и сон,
Навеяла грусть и отраду.
Заслушавшись, можешь забыть обо всём.
Как мало для счастья надо!

И даже не веришь, что дождь и снег,
Что служба и ты - солдат.
А, кажется, мир утопает в весне
И ало цветёт гранат...

-Ну, голос! Смотри, ты его береги,
Ведь он - не на полчаса...
За дверью слышались крики, шаги
И пьяные голоса...

* * *

А всё очень просто - если ты «дед»,
Ты сам себе кум и король.
«Деды» поскромнее - кто ходит в буфет,
А прочие - за забор.

³ ЧП (сокр.) – чрезвычайное происшествие

⁴ КПП (сокр.) – контрольно-пропускной пункт

Кто хочет – с отбоя исчезнет вдруг,
Уйдёт, не оставив следа.
И, что характерно, всё сходит с рук
(Но только, конечно, «дедам»).

Иные, под травку глуша самогон,
Готовы в момент осознать -
Солдат-первогодок – «дух», «салабон», -
Его нужно драть и драть.

Под кайфом - удобней, под кайфом оно
Безжалостно и всерьёз
(Был случай, когда паренька одного
Лицом закопали в навоз).

* * *

...А он не стерпел. Не умел, не знал,
Как можно *такое* терпеть.
Когда, как букашка, ты немощен стал, -
Наверное, лучше смерть!

Когда тебе дышит в лицо перегар
Двенадцати пьяных рож,
И грязная ругань, и первый удар
Вгоняет в безумную дрожь,

Попробуй осмыслить, что можно, что нет,
Когда под рукой – ничего.
И только рядом стоит табурет.
И ты хватаешь его...

А рожи - вплотную. А голос - в хрип.
Плевков затуманил глаз.
Что могут услышать, понять они,
И что им сказать сейчас?..

Развязка близится. Меркнет свет.
И в чрево поганой твари
Стрелюю впивается табурет,-
Он впился, а не ударил!..

Пусть грянут фанфары в вечерней мгле,
Злой радостью мир увенчан.
Ура! Потому что теперь на Земле
На целую сволочь меньше!..

О, всё побеждающий жизни инстинкт!
Забыв про своё геройство,
«Деды» вдруг исчезли все, как один,
Мух посрамляя проворством...

* * *

Вот так-то, старик. А чего ты хотел?
Чего ты от них ожидал?
Каких неотложных по срочности мер?..
Ты знаешь, куда ты попал?!

Ты знаешь, что рыба гниёт с головы?
Под смех их ты мог материться,
Кричать им: «Вы сволочи! Гады! вы...»
Но Главный лишь скажет: «Вы не правы!»
И с сыном не даст проститься...

Нет правды. Искать её глупо здесь.
Такие дела вот, батя.
Ты глянь: за забором повсюду лес.
Они - себе судьи. У них свой трест
Не только в этом стройбате...

...За окнами вновь забрезжил рассвет.
Вынесен приговор:
Статья 110-я. Восемь лет.
И только дождевики в размытом стекле
Блестят, как немой укор...

Рината приговорили к восьми годам. За превышение меры самообороны... Ха-ха-ха! В их уголовном кодексе была такая статья! Или ещё до сих пор есть? Когда тех двенадцать, а нас двое. Когда у них в руках кожаные ремни с латунными бляхами, а у нас – только старый развалившийся табурет.

...Каким-то чудом нам удалось встретиться перед его отбытием – то ли начальник конвоя был его земляком, то ли... ну, в общем, не знаю...

- Это хорошо, это здорово, что я, а не ты, - сказал он. – Я сильнее, ты понимаешь, я больше для этого подхожу. Ты будешь писать стихи. Меньше – о жизни, больше – о любви. Обязательно напиши поэму. Чтобы там был огромный город, зимний, заснеженный, ночной. С романтическими знакомствами, сердечными переживаниями, надеждами на счастье. И только – самую малость – об этой действительности. Напиши. Я так хочу. Мы будем читать это с Моим Другом там... - он показал на звёзды.

Ужасная мысль потрясла меня. И он это понял по глазам.

- Нет, Вовчик, всё нормально. Так надо. Кто-то из нас двоих должен вернуться. Это будешь ты. Для меня восемь лет – это вечность. Никакие решётки меня не удержат, я же знаю. Но я обрету свободу другим путём, - и он опять показал на звёзды. А ты – ты справишься, ты сумеешь. Теперь сумеешь.

По-моему, он улыбался...

Средь ненастий и вьюг
Не бросай меня, друг.
Почему ты уходишь с рассветом?
Я остался один.
Боль тупая в груди.
Между нами теперь километры...

Ты твердил: "Это жизнь!"
И хоть тут застрелись,
В жизни этой ничто не исправишь.
Я не знаю, как быть,
Только больше так жить
Нам нельзя... ну нельзя, понимаешь?!

Ты прости меня, брат,
Ты прости мне, Ринат,
Что я тоже не стал убийцей!
Эх, предстать бы вдвоём
Нам с тобой пред судом! -
Было б легче нам с ними судиться!

Ты мне только пиши!
Я клянусь от души
Тебе кровью друга и брата,
Что, как только домой
Я уволюсь весной,
Обойду все суды и палаты!

Обойду и добыюсь
(Без того не вернусь), -
Есть на свете же всё-таки люди!
Чтоб опять - трибунал,
Чтобы он оправдал.
Ведь за это не судят. Не судят!

Будут таять снега.
Я приеду в Курган.
Я зайду к твоим в гости, конечно.
Нашу песню спою
И Алёнку твою
За тебя поцелую сердечно...

Не бросай меня, брат,
Дорогой мой Ринат,
Я прошу тебя, я заклинаю!
Я один не смогу!
Я уйду... убегу...
Отравлюсь... удушусь... Я не знаю...

Я потом услышал –
Наш дежурный всё знал.
Представляешь, он был тогда рядом!
Старшине говорил,
Что стоял и курил,
Когда к нам ворвались эти гады...

...Средь ненастий и вьюг
Не бросай меня, друг!
На кого ты меня покидаешь?
В царстве жутких ночей,
Посреди сволочей...
Впрочем, ты это сам понимаешь.

Ты всё знаешь, Ринат,
Мой товарищ и брат.
Что теперь на мозги тебе капать?
И, Ринат, в первый раз
Может рад ты сейчас,
Что не вместе идём по этапу...

...господи, как тяжело... офицер, который спустя пять месяцев принёс заключение судебной медэкспертизы, что-то говорил о попытке к бегству. Всё правильно. Он иначе поступить не мог. Хотя убежать оттуда было нельзя никак. А попытавшись, он навсегда избавился от удавки толщиной в восемь лет, сдавливавшей его...

- Да, вы правы... бывают ситуации, из которых самый достойный выход – самоубийство. Только говорить об этом нельзя.

- А... как же?

- А – молча, - сказал он. – По молчаливому уговору. Если совсем припёрло.

Иисус Христос. В личной беседе

Дина Рубина

Первое время я просто смотрел на небо, как когда-то он, общаясь со Своим Другом, и спрашивал: зачем? У тебя же есть родители, Алёнка, я. Почему же ты о нас не подумал?!

А однажды мне приснился сон. Я стою и говорю точно эти слова, спрашиваю, почему он это сделал. И вдруг вижу рядом его... он улыбается... Я во сне понимаю, что это сон и мне не страшно... А он говорит мне, ты уже взрослый мальчик и должен научиться ходить сам. «А как же Алёнка?!» – и от собственного крика я проснулся в ночной казарме...

Я не псих и не душевнобольной, честное слово! Но с того времени я иногда разговариваю с ним по ночам. Его слова я, возможно, додумываю сам. А может, мне просто достаточно постоять у балкона ночью, посмотреть на звёзды и подумать...

Он говорил, чтобы я никогда его не вспоминал. Потому что, для того чтобы вспомнить, нужно сначала забыть.

Он меня считал человеком, рождённым для Любви. Именно поэтому, по его мнению, я должен был выжить.

Он говорил, любовь – это жизнь.

Он говорил, я с тобой везде и всегда. Просто поверь.

Он говорил, горячее сердце это много, очень много. Но ещё нужна твёрдая рука.

Обычно говорят «не забывай», а он говорил «не вспоминай»...

У меня не было никаких его данных, кроме фамилии и имени. И я не нашёл ни Алёнку, ни его родных. В Кургане много Селимовых, но ни один из них на мои письма не откликнулся. Я и в адресный стол писал, и на местное радио...

Вот я сейчас пишу и не понимаю – как с этим жил. С апреля 1986-го года прошло столько времени...

Обвал... Всё рушится. Не верю!
По тропкам памяти иду.
Прозрачной веточкой апреля
Ты будешь жить в моём саду.

Где в мягком шёпоте гитары
Восходит медленно луна
И по аллеям бродят в паре
Закат и юная весна.

Вокруг тебя – цветы и дети
И их искристо-звонкий смех.
И оттого на целом свете
Ты станешь вновь счастливей всех.

И в трелях тоненькой капели,
Дрожаньем ветра, звёздным сном –
Всё, что мы вместе не допели,
Но что ещё споём вдвоём.

Росинки слёз в твоих ресницах
Губами высушит рассвет.
И мне поверится-приснится,
Что горя – нет и смерти – нет.

И оттого, как в Бога веря,
Я за тобой в мечту иду.
Прозрачной веточкой апреля
Ты будешь жить в моём саду.

И время, календарь листая,
Меня опять зовёт в полёт.
«Неправда, друг не умирает –
Лишь рядом быть перестает...»

В 2000-м я приехал в Курган, на городское кладбище. Потому что было уже совсем невмоготу. Я его не нашёл. Но написал стихи. Даже ради этого стоило лететь за четыре с половиной тысячи километров... И потом –

мне стало легче. Я прошёл по земле его детства. Я вдохнул несколько глотков того же воздуха, которым дышал он.

Он не погиб и его тогда не застрелили за попытку к бегству, нет! Он живёт и внимательно следит за всем, что происходит в моей жизни. А когда мне особенно тяжело или радостно, он приходит и слушает меня тихими бессонными ночами, слушает, слушает... И все эти годы меня оберегает, меня хранит вера в него, в то, что он рядом...

7

...Меня обложили. Их шестеро? восемь?
Какая мне разница, сколько и кто?
Меня всё равно, всё равно не спросят,
Зачем это делали и за что.

Я - зверь. Дикий зверь. Я вцепляюсь, как надо.
Я рву, багровею, мечу и крушу.
Я загнан. Но звери не просят пощады.
Я тоже пощады не попрошу!

...Я жив, покуда машу руками.
И если подохну, как загнанный волк,
Скажите папе, скажите маме,
Что я погиб, исполняя долг...

Я вспоминаю свою первую драку. Это произошло через несколько дней после отъезда Рината. Я работал в цеху. Их было трое. В меньшем количестве они никогда не нападали. Сказали, чтобы я шёл чистить их станки – им, как «дедам», это делать не положено. Я, как всегда, стоял неподвижно. Один из них пнул меня сапогом чуть ниже колена. Очень болючее место. Они знали, куда бить. И вдруг я почувствовал злость. Яростно-ослепляющую. Под рукой была заготовка – металлический прут. Не было боли, не было слёз, не было жалости. Я учился ходить сам. Я почувствовал себя зверем, одиноким и затравленным. А звери пощады у врагов не просят.

Собралось ползавода. Меня еле оттащили. А вот раньше, когда били меня, всё получалось как-то тихо и без свидетелей.

Меня ожидало несколько суток карцера и разборки в роте за покушение на узбекский клан – самый многочисленный.

8

Так случилось, что служил я в махровом эковском бардаке с ворами, поножовщиками и убийцами. Это называлось «стройбат», а в военном билете красовался штамп «годен к нестроевой службе». Его обычно ставили бывшим экам и тем, кто переболел чем-то серьёзным. У меня в детстве был менингит (результат единственной поездки в пионерский лагерь!); Ринат перенёс тот же менингит за два года до призыва. Непрерывная цепочка случайностей и совпадений...

Так вот, о роте. Её подавляющее большинство – Средняя Азия: Узбекистан, Казахстан. Казахи и, особенно, узбеки держали, что называется, бога за бороду – вытворяли, что хотели, курили травку, изобретали разные виды экзекуций... Словом, весёлый народ.

Юсуп Юсупов призвался из Узбекистана, дважды сидел – второй раз за убийство, потому был постарше остальных. Внешность имел настоящего пирата из фильмов – стройный, высокий, с искусственным глазом. По «понятиям» считался «паханом». Хотя, и это, может, единственное, что отличало нашу часть от зоны, во всё не вмешивался, а только по-крупному.

Как-то прокатился слух, что я пишу стихи. Это то, чего Ринат терпеть не мог. Я всё время взывал к их человечности: помогал писать письма девушкам на Родину, писал стихи в их дембельские альбомы. Ринат считал, что это только ухудшает положение – я в их глазах выгляжу, как посмешище, жалкое и угодливое. И он, в общем, был прав.

Юсуп пришёл с земляками и коротко сказал: «Читай!»

Я читал много. И меня слушали, да ещё как! А после моего «Последнего вечера» единственный глаз Юсупа поплыл. «Всё, хватит!» – сказал он. И вдруг всхлипнул: «У мне тоже был дэвушка, красивая та-акой... харошяя... Я в тюрьме сыдэл, а она мне нэ дождалас...» Он высморкался и сказал: «Еслы будэт проблэма – зовёшь Юсуп. Понил?»

...Юсуп сам пришёл, я его не звал. Коротко спросил:

- Гдэ?

Ему показали на меня. Он аж отшатнулся:

- Э-этат?? Этат биль???

Действительно, поверить в то, что я мог кого-то избить, кому-то сломать нос... А мне было совсем не страшно, верите. Ну, почти... Мне не было жалко ни того, со сломанным носом, ни его дружков, которые тогда умоляли о пощаде... Я смотрел на Юсупа исподлобья и думал, что Ринат мог бы сейчас мной гордиться.

- Марозова суда! – скомандовал Юсуп.

Мишка Морозов из Москвы, маленький рыжий доходяга. Он делал всё, что ему говорили, быстро и молча. И его даже бить было как-то неинтересно.

Юсуп показал на меня пальцем:

- Этава ни трогат. Будэт чытат стихи.

Но во мне уже жил бунтарский дух Рината.

- Не буду!!! – заорал я.

- Будэш, - спокойно отрезал Юсуп. – Красыва и громка.

Мишку раздели догола, привязали за руки и ноги к койке, голову протиснули между прутьев, прутья сдвинули. При этом Мишка лишь кряхтел и тяжело дышал.

- Будэш чытат, пока я буду слышат, - сказал Юсуп. – Как толко ны будэш, ему (показал на Мишку) будэт оч-чен плёха.

Мишка тихонько заскулил. Он даже кричать боялся. А, может, не умел?..

Да, вот это был литературный вечер! До подъёма оставалось больше семи часов. А мне надо было читать непрерывно, не повторяясь и с выражением. Как только тон менялся на затравленный, меня прерывали: читай, как положено! И для пущей убедительности сдавливали Мишкину шею прутьями. Как только я повторялся, обязательно находилась кто-то, кто выкрикивал: было! Давай дальше! Чтение стихов в режиме нон-стоп продолжалось почти до подъёма...

9

Упрямство – действительно патологическая черта моего характера.

Там так тщательно вытраивали всё живое и человеческое, и люди на глазах менялись – зверели и отрывались на себе подобных, только пришедших позже.

Меня ненавидели. Если не все, то очень многие. За то, что был не такой, как они. За то, что еврей. За то, что, когда сам стал «дедом», бросался с кулаками на таких же «дедов» как я, если видел, что кто-то из них измывается над «молодыми». Причём, ненавидели не только «деды» - сами «молодые» - за непонятное для них кощунственное отношение к священным неписанным догмам казарменной жизни...

А ещё я сидел на электрическом стуле. И заряд, который меня шарахнул и пригвоздил к этому самому стулу, был, наверное, слишком мал. А может, я выжил, потому что не стало света, не знаю...

А ещё привязанного руками к кузову, лежащего на животе, грузовик на скорости тащил меня по асфальтированному плацу, кругами.

Я ничего не рассказывал родителям. Ничего! Ни единой строчки домой со слезами и жалобами. Я очень хотел поделиться многим, если вернусь... Но, когда вернулся и, спустя месяцы после последней пытки, имел неосторожность снять футболку в присутствии мамы, после чего её отпаивали корвалолом, я всё это глубоко закопал в себе...

Знаете, как бывает: стоишь над обрывом, толкнёшь камень, а он за собой вызовет целую лавину. Так и у меня: прикоснулся к запретным местам памяти – и всё опять налетело, нахлынуло...

...Ну ладно. Давайте я вам лучше Сказку расскажу.

Всё. Армии больше не будет. Или почти не будет. Дальше можно читать спокойнее.

Р. S. Молитва Судного дня

или

Вечная Сказка Любви

Он уже на пороге. По еврейским законам новый день начинается накануне вечером, с первой звездой на небе. Я так его жду каждый год...

Всё началось 5 октября 1992 года, когда я был первый раз в Израиле. Я знал, что такое Йом Кипур (Судный день), но никогда не думал, что этот день сможет так сильно и так прочно войти в мою жизнь.

Мой друг Игорь повёл меня в синагогу, и мы решили тогда по приколу попоститься. А чего бы и не поголодать, в самом деле? Кстати, и для желудка полезно... В общем, интересно было: выдержим – не выдержим?..

А в синагогу я пришёл, как обычно ходил туда – в вялом состоянии усиливающейся зевоты. Ничего особенного и не было. Нам дали молитвенники. Игорь любопытнее, чем я – он хоть туда заглядывал. А я глазел по сторонам, но всё больше – на часы. И в вечерней молитве меня интересовало, пожалуй, только одно: когда она закончится?

...Чудо произошло не сразу, и уж никак не было связано ни с синагогой, ни с молитвой. Но с этим днём – точно. Я много раз потом в этом убеждался.

Пять лет назад я вернулся из армии, наводил справки об Алёнке и родителях Рината. Всё напрасно. Я не сдался, нет. Я ни на минуту не забывал ни о чём. Не было и дня, чтобы я о нём не думал. И вот... 5 октября, этот день в хайфской синагоге.

Сначала вдруг налетело, нахлынуло это горькое-горькое, ни с чем несравнимое чувство, которое я пережил тогда, когда он уходил. И вспомнились строчки:

Вновь одинокий, словно остров.
Опавших листьев звук сухой...
И боль из нестерпимо острой
Теперь становится глухой...*

Тогда у меня в голове прокрутилось вот это, и я с горечью подумал о том, что неправда, что боль не притупляется. Подумал – и почувствовал жжение: в груди, в глазах... А потом – такого никогда раньше не случалось! – сквозь полуприкрытые веки я увидел его. Его улыбку, его взгляд, а самое главное – я услышал Голос. Его Голос. И это было продолжением того, что вспомнилось мне, вторым куплетом:

Ах, Остров! Вспоминать не надо,
Как неприступен и велик,
Всегда он рядом и не рядом –
Твой материк, твой материк...

Знаете, что меня больше всего поразило? Даже не то, что я услышал продолжение стихов. Ринат никогда не писал сам, но сколько раз было, что, когда я что-то вслух начинал читать или сочинять, он вдруг

* Юлия Друнина. В оригинале: «Вновь одинока...»

подключался и продолжал или заканчивал. И так удачно! Меня поразило то, что я его увидел. Или представил. И услышал. Раньше этого не было. Раньше я просто жил воспоминаниями: в точности помнил каждый наш день. А если видел и слышал его – то лишь во снах...

«Брат, в твоей жизни должен быть такой день, обязательно. Раз в году, больше не надо. Ты будешь приходить к Б-гу, чтобы поговорить с ним. А если Б-г для тебя – что-то слишком абстрактное... приходи тогда ко мне и говори со мной. Хочешь, я стану твоим Б-гом?» Он говорил это и улыбался, с хитрым прищуром. «Нет, - отвечал я. – Зачем нам космическое общение? Я лучше буду приезжать к тебе. Или ты ко мне». И тогда его улыбка становилась очень-очень грустной, и он медленно качал головой. Медленно и долго. Мне становилось тревожно. Почему нет? Что в этом невозможного? А он уже всё предчувствовал, всё предугадывал...

Вряд ли он знал что-то об иудаизме, тем более о Судном дне. Я думаю, что и об исламе он знал ненамного больше. У него был свой единственный и неповторимый Б-г – Б-г его души.

Следующий мой Йом Кипур был уже в Киеве. И тогда мне впервые удалось с ним поговорить. Меня прорвало – я рассказывал обо всём, каждую подробность. И самое главное – у меня не было, ну вот не было чувства, что я сошёл с ума или играю в какие-то игры, сам с собой. Я ясно чувствовал, что он здесь, он слышит. Слышит и говорит со мной. И с тех пор это чувство приходит ко мне из года в год, в ночь Судного Дня...

...в эту ночь, брат, каждый из нас может поверить в свою исключительность настолько, чтобы хоть на короткое время превратиться в Доброго Ангела и сотворить что-то неповторимо хорошее...

А вот теперь послушай...

* * *

- Я сейчас долью свой остывший чай из армейской столовой, с двумя плоскими кубиками сахара. Чай в конце сентября тёплым не бывает. Он остывает быстрее, чем его наливаешь. А за второй кубик спасибо. Ты никогда не был сладкоежкой, и мне это странно. Нет, я почти привык, что ты отдаёшь свой кубик. И даже воспринимаю это почти как должное, чуть ли не сам за ним тянусь. Человек, знаешь, к хорошему привыкает быстро. Попробуй когда-нибудь мне свой кубик не отдать... И всё-таки, я не понимаю: как можно не любить, например,

грильяж в шоколаде? Или лимонные пирожные? Или торт Наполеон моей бабушки Лизы...

Всё, брат. О еде ни слова. Еда, конечно, друг человека, но далеко не лучший. И вообще, можно мы немного помолчим? Помолчим о звёздах, о молодой осени... Помолчим – перед тем, как я тебе расскажу.

А помнишь – тогда тоже была осень, и мы так же мечтали. Только тогда был не сентябрь, а октябрь. С нами была Алёнка, она улыбалась с фотки, улыбалась открыто и весело. Ты ужасно хотел, чтобы я прочитал, что там написано, на обороте. Но перевернуть снимок не решался. Так и уселась: ты – с одной стороны водосточной трубы, чтобы видеть её лицо, я – с другой, чтобы прочитать. Лунный свет почти не проникал сквозь полуприкрытую крышку канализационного люка. И я израсходовал больше половины коробка спичек. Помнишь, как ты ворчал и называл меня «поджигателем»?

А память-то у меня, брат, - во! Когда это было? Вчера? Или неделю назад? Вот эти стихи, выведенные аккуратной Алёнкиной рукой:

*Ты рядом – и всё прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете!*

*Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете!*

*Мы – рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо,
За то, что ты есть на свете!..*

И подпись - Юлия Друнина. Хорошие стихи. Классные. Такие искренние, душевные... Слов нет. И хоть мы знали, что стихи Друниной, я ещё удивился, помнишь: Алёнка, что, с Украины? А ты: нет, уралочка. Откуда же, говорю, это «любый»? Долго спорили, чуть не до крика. Ты настаивал, что это такое старорусское слово, а я не соглашался. А

потом, как-то одновременно замолчали и обнялись... Позже я узнал: точно, брат, старорусское...

Ринат, посмотри. Ты видишь, я вернулся. С памятью об остывшем чае и кусочке сахара, подаренным тобой. И совсем не потому, что ты не был сладкоежкой. Теперь-то я понимаю. Там есть хотелось всем, и всё съедобное съедалось без раздумья. Но ты и в этом был сильнее. Ты делал всё для того, чтобы один из нас выжил. Мыслимое и немислимое. В крупном и по мелочам.

* * *

В эту ночь мы пройдем лабиринтами памяти души. Там нас встретит бабушка Лиза, жена дедушки Сени, со своим фирменным тортом Наполеон и рассказом о том, как Сеня четыре года (!!!) добивался её любви. И в конце Лиза притворно вздохнёт: «Ну да, разве он оставлял мне выбор?! Каждый вечер приезжал электричкой из своей Белой Церкви (80 км от Киева – кстати сказать) встретить меня после работы и проводить домой. Какой там выбор?! Никого ко мне близко не подпускал...» Лиза – Сенина Единственная Женщина и Любовь на всю Жизнь...

Полетели дальше! Нас ещё обязательно ждёт Даник, неуёмный фантазёр и мечтатель с острова Гала, большой юморист, верный друг и душа любой компании... Игры, сюрпризы, шутки, розыгрыши, отличное настроение – всё это Даник.

Путешествие по межзвёздным мирам нам организует Виталик Линчевский. Он так много знает об этом. А главное – это нравится Юне, его Юне. А ещё картинная галерея Юны – это что-то вообще невероятное.

Давай вместе помечтаем...

...о том, чтобы никто и никогда не был больше один... никто и никогда, слышишь...

...об Огромной Сказочной Любви...

...о родных людях, которые живут в наших Сердцах...

...о Невероятном, Непостижимом Чуде, которое должно случиться однажды...

1987 – 2004